

Институт языкознания
Российской Академии Наук

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ:
ЧЕЛОВЕК, СЛОВО, ТЕКСТ

Москва 2014

Издание подготовлено по
Программе Фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Язык и литература в контексте культурной динамики»
в рамках проектов:

- Лексика эстетической оценки в русском и западноевропейских языках;
- Канонические и эталонные тексты в культурно-языковой динамике;
- Человек в контексте этнокультурной и литературно-языковой традиции: семья, общество, видение мира.

Ответственные редакторы
В.З.Демьянков, В.Я.Порхомовский, И.И.Челышева

В состав сборника входят статьи, объединенные общей идеей изучения языка как элемента концептуальной парадигмы культуры. Исследуются проблемы выражения эстетической составляющей в языке и в тексте в различных культурах; динамика развития литературных языков на основании анализа образцовых текстов, на которые ориентируется письменная традиция определенной общности (социальной, этнической, религиозной). Особое внимание уделяется языковым средствам характеристики человека в рамках определенного этноса, социума, цивилизационного этапа или системы текстов.

Книга предназначена для лингвистов, литературоведов и специалистов по истории и типологии культуры.

© Авторы, 2014

© Институт языкознания, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	5
<i>В. М. Алпатов.</i> Эталонные тексты в истории японского языка.	9
<i>В. З. Демьянков.</i> Стандарты красоты и привлекательности в текстах на русском и западноевропейских языках	26
<i>В. И. Постовалова.</i> Образ красоты в культурно-эстетической парадигме восточной патристики: учение Дионисия Ареопагита	35
<i>В. Я. Порхомовский.</i> Лексический аспект перевода канонических текстов	56
<i>А. В. Вдовиченко.</i> Коммуникативные критерии единства литературной традиции грекоязычного иудаизма: языковой и внеязыковой аспект интерпретации текстов Септуагинты, Нового Завета, перевода Аквилы	71
<i>И. И. Чельшева.</i> Проповедник и его аудитория: лингвистические аспекты исследования средневековой романской проповеди	80
<i>И. Н. Топорова.</i> Сказки банту в свете определения понятия «эталон»	99
<i>Т. А. Михайлова.</i> Образ уродства в ирландской нарративной традиции	113
<i>М. А. Волконская.</i> Синонимические обозначения мужчины и женщины в средневековой английской аллитерационной поэзии.	138
<i>Н. С. Бабенко.</i> Развитие жанровых форм массовой литературы в постреформационной Германии (1550—1618).	146
<i>Н. М. Азарова.</i> Механизм формирования прецедентного текста в культуре XX века. (на материале поэзии Фернандо Пессоа).	156
<i>Д. И. Эдельман.</i> Семейный уклад в традиционном сообществе и динамика терминологии родства	175

В. З. Демьянков
Институт языкознания РАН

СТАНДАРТЫ КРАСОТЫ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ НА РУССКОМ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ¹

1. Культурологическая реконструкция

Методы культурологической реконструкции оказались весьма плодотворными для лингвистики и используются не только для восстановления внешней формы языковых знаков — того, как они выглядели или звучали в далекие времена праязыка, — но и для выявления системы закономерностей, связывающих языковые знаки между собой и с их значениями в речи.

Новым сегодня является освоение эмпирического материала в опоре на большие корпуса текстов. С помощью такой социологии текста (или социологии дискурса) исследуются сегодня многие важные когнитивно нагруженные понятия.

В отличие от представителей философской эстетики, филологи профессионально не могут искать и не ищут ни определения прекрасного, ни границ между эстетикой и этикой. То есть, мы не ищем различий между тем, что красиво само по себе, тем, что оценивается как приближение к идеалу формы, и тем, что заслуживает одобрения или порицания.

Более или менее профессионально филологи могут исследовать только речь о прекрасном². Речь эта демонстрирует очень поучительные расхождения между разными национальными культурами.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ведущих научных школ НШ-2084.2014.6 «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов», рук. В. З. Демьянков.

² Такой филологический подход, в свое время прекрасно продемонстрированный в одной из первых работ по лингвистической эстетике [Santayana 1896], реализует совет Мефистофеля — стартовать с употребления слов и так добраться до самой сути понятий: «Im ganzen haltet euch an Worte, /

2. Лингвистическая эстетика

Лингвистическая эстетика — дисциплина, изучающая то, что иногда называют *folk aesthetics* «наивную эстетику» — то, как употребляются в обыденной речи слова, соответствующие понятиям «научной» эстетики. В отличие от «эстетики языка»³, лингвистическая эстетика не задает вопросов об эстетических понятиях прямо: она скорее констатирует расхождение мнения.

Межъязыковые различия в употреблении эпитетов красоты затрагивают не только связь с непосредственным восприятием красивых предметов: различия касаются расхождений в этической оценке тех или иных поступков, а также возможности этих эпитетов подчеркивать иные (не обязательно эстетические) качества, указывать на завершенность и на совершенство.

Например, употребление русского прекрасный / красивый отличается от употребления немецкого *schön*, французского *beau*, английских *beautiful*, *pretty* и итальянского *bello*, см. [Демьянков 2004]. Результаты, получаемые в рамках такого исследования, дают некоторое представление об идиоэтнических особенностях «наивной», «ненаучной» эстетики.

Является ли «красота» универсальным концептом — или носители разных языков имеют в виду разные концепты класса «красота» (красота русская, итальянская, немецкая, французская и т. п.)? Насколько вероятно сближение различных национальных эстетик? Навязывает ли язык, на котором мы говорим и думаем, стандарты представлений о красоте и привлекательности?⁴ Что универсально в

So geht euch durch die sichere Pforte / Zum Tempel der Gewissheit ein» (Goethe, Faust).

³ В рамках эстетики языка исследуется, каким эстетическим эффектом обладает употребление тех или иных языковых выражений, в частности, фигур речи; ср.: «Esthétique de la langue française, cela veut dire: examen des conditions dans lesquelles la langue française doit évoluer pour maintenir sa beauté, c'est-à-dire sa pureté originelle. Ayant constaté, il y a déjà bien des années, le tort que fait à notre langue l'emploi inconsidéré des mots exotiques ou grecs, des mots barbares de toute origine, de toute fabrique, je fus amené à raisonner mes impressions et à découvrir que ces intrus étaient laids exactement comme une faute de ton dans un tableau, comme une fausse note dans une phrase musicale» [Gourmont 1899: 7].

⁴ Ср.: «Subjectivism emerged and developed in opposition to the classical, objectivist conception of value. The latter maintains that aesthetic value —

языковой когниции и что культурозависимо? Каковы конкретные механизмы взаимоадаптации универсального и идиоэтнического в когниции человека?⁵

Материал текстов не дает оснований для этого утверждения. Именно поэтому более уместно говорить о лингвистической эстетике как о социологии, то есть, о феноменологии текста⁶.

beauty, as it was formerly called — exists independently of the perceiving subject, and is everlasting, invariable, and the same for everyone. The cognition of aesthetic value is expressed in judgements. If aesthetic value possessed the properties which the classical conception ascribes to it, aesthetic judgements would be permanent, and universal — the same for everyone. Facts, however, testify to something else: to a vast variety and variability of judgements. Subjectivism ventures to apprehend the problem of aesthetic value in a new way; it aims to eliminate and explain what it considers the incompatibility between the objectivist conception and the variability of judgements» [Pawlowski 1989: 1].

⁵ Это обстоятельство заставляет по-иному осмыслить вопрос, поставленный в русской классической философии: «Космический ум в явном противоречии с первобытным хаосом и в тайном соглашении с раздражаемою этим хаосом мировую душу или природою, которая все более и более поддается мысленным внушениям зиждательного начала, творит в ней и чрез нее сложное и великолепное тело нашей вселенной. Творение это есть **процесс**, имеющий две тесно между собою связанные цели, общую и особенную. Общая есть воплощение реальной идеи, то есть **света** и **жизни**, в различных формах природной красоты; особенная же цель есть создание человека, то есть той формы, которая вместе с наибольшею телесною красотою представляет и высшее внутреннее потенцирование света и жизни, называемое самосознанием. Уже в мире животных [...] общая космическая цель достигается при их собственном участии и соединении чрез возбуждение в них известных внутренних стремлений и чувств. Природа не устроит и не украшает животных как внешний материал, а заставляет их самих устроить и украшать себя. Наконец, человек уже не только участвует в действии космических начал, но способен **знать цель** этого действия и, следовательно, трудиться над ее достижением осмысленно и свободно. Как человеческое самосознание относится к самочувствию животных, так красота в искусстве относится к природной красоте» [Соловьев 1889: 388—389].

⁶ Социологический подход к эстетическому далеко не нов, см. работы Г. Зиммеля, напр., [Simmel 1901]. В отличие от классических социологических методик, с помощью которых исследуются и ранжируются типовые мнения, бытующие у членов представительной выборки респондентов, в социологии текста устанавливается типичность выражений в представительной выборке текстов.

3. Границы между эстетикой и лингвистической эстетикой

Лингвист не может, в частности, прямо выяснить, что немцам, итальянцам или русским представляется красивым — до тех пор, пока они не заговорят о красоте. Итак, мы можем установить, когда и при каких обстоятельствах по-немецки, по-итальянски или по-русски говорят или обходят стороной вопрос о красивом.

Например, итальянское *bello* говорит о красоте в переносном смысле как о том, что заслуживает восхищения с моральной точки зрения: *un bel gesto, una bell'azione* «прекрасный/красивый жест, прекрасный/красивый поступок». Именно как поступок говорится о красивой смерти в афоризме Петрарки: *un bel morir tutta la vita onora*, что только приблизительно можно перевести как «красивая смерть заслуживает целой жизни», подробнее см. [Демьянков 2011]⁷.

В этом отношении сходство с русским очень велико: по-русски тоже говорят о красоте смерти как красивого поступка, достойного восхищения (ср.: «На миру и смерть красна»). По-русски в таких случаях можно сказать и героическая смерть.

Однако подобное сочетание идей красоты и смерти по-немецки (*schöner Tod*), в отличие от русского словосочетания (*красивая смерть*), означает нечто иное: смерть без мучений.

Итальянское *fare una bella morte* означает тоже «умереть тихо, без страданий» (*serena, senza sofferenze*). В таком контексте лексема *morte* допускает двойную трактовку — «непроизвольный процесс угасания» и «поступок, приводящий к гибели».

По-русски можно красиво стареть, но, в отличие от немецкого, вряд ли удастся красиво умереть, если не совершить хотя бы одного красивого, то есть, героического поступка.

⁷ О соотношении эстетического и морального ср.: «Im Ästhetischen hört das Moralische auf, selbstverständlich zu sein. Hier wird kein normatives Wissen bestätigt oder verordnet, sondern ein neues Verstehen eröffnet, das erfordert, sich selbst ein moralisches Urteil zu bilden und zu vertreten. Im Ästhetischen ist die Fiktion in ihrem eigenen Recht, wenn sie immer wieder aufzudecken oder als Möglichkeit zu erproben vermag, was sich nicht von sich selbst versteht, weil es sich der präskriptiven Moral wie dem rechtlichen normierten Verhalten entzieht: nämlich die Vielfalt der Sitten und damit ein Verstehen des Fremden, der Welt in den Augen des Andern, aber auch die Erfahrung des Privaten, das Eigenrecht, anders zu sein, und damit die Bildung eines Selbstverständnisses, das sich mehr und mehr aus institutionellem Zwang freizusetzen sucht» [Jauss 1995: 39].

У некоторых словосочетаний словари указывают — парадоксальным образом — на идею красоты как несоответствие моральным устоям. Так, *fare la bella vita, darsi alla bella vita* трактуется как «жить праздно» (*vivere da scioperato*).

Русская красивая жизнь далеко не всегда осуждается, ср.: *Надо! / Надо! / Надо нам, ребята, / Жизнь красивую прожить. / Надо что-то важное, ребята, / В нашей жизни совершить!* (пелось в одной из советских патриотических песен, муз. В. Шаинского, слова В. Харитонов, 1970).

Таким образом, лингвистическая эстетика причудливо переплетается с идеей этики как социологии в оценке поступка.

Следующий момент связан с переносом оценки деятеля на оценку его творений или действий. Так, когда говорят об очаровательном мастере слова или живописи, имеют в виду чаще всего не человеческое обаяние, очаровательность человека, а очаровательность его творений: *Вы очаровательный писатель — / Бурлюка отрицательный двойник* (В. Хлебников). Но по-другому ведут себя именованья деятелей науки: *очаровательный физиолог* и *очаровательный филолог* характеризуют не труды, а только человеческие качества. Чем это объяснимо?

Возможно, тем, что очарованный человек (как подсказывает внутренняя форма эпитета) полностью или частично теряет способность к разумному суждению, столь необходимые для оценки научного труда. Зато особым, двойным очарованием обладают исполнители: они очаровывают не только исполняемым произведением искусства, но и внешними проявлениями своей личности, которые слушатели и зрители воспринимают непосредственно.

Напр.: *Пока он творил непритязательно, ободряемый похвалами родных и товарищей — он оставался 'очаровательным виртуозом', не дававшим себе отчета в своей виртуозности* (А. Бенуа).

То же относится и к человеку очаровательному в качестве собеседника: *Гогося был очаровательным собеседником* (Н. А. Тэффи).

4. Привлекательный

Первоначально прилагательное *привлекательный* требовало при себе непременно указания, кого и чем привлекают: *привлекательный умом, добродетелью, а в частности, — красотой*⁸. Все это —

⁸ Тот факт, что «эстетическое» значение эпитетов не заключено во внутренней форме прилагательных, наводит на гипотезу о том, что «эстетическое» значение является надстройкой над «дискурсивным», ср., например:

несомненное указание на то, что мы имеем дело скорее с причастием, чем с прилагательным (в этом сходство с поведением эпитетов *пленительный* и *очаровательный*), см. [Демьянков 2005].

Обороты с *привлекательный* без такого уточнения при определяемых класса «внешность» (привлекательное лицо, привлекательные глаза и т. п.) только позже перестали восприниматься как неполные. Затем же о человеке, заслуживающем эстетической оценки, тоже стали говорить как о привлекательном персонаже.

Логические переходы можно представить так:

1. *Привлекательный* стало употребляться как эллипсис для «привлекающий к себе внимание».

2. Затем произошел ряд переносов:

привлекательной красотой каких-либо частей внешности человек →
 привлекательной красотой внешности человек →
 привлекательный внешностью человек →
 привлекательный человек.

Только эти два денотативных класса — «внешность» и «человек в своем внешнем облике» — привели к «эстетическому уклону» нашего прилагательного.

Приведем примеры архаичного употребления эпитета *привлекательный*.

1. *Он прямо пробрался в привлекательную заднюю комнатку, где для танцующих кавалеров, еще с начала вечера, поставлена была на маленьком столике, накрытом ярославскою скатертью, водка двух сортов, селедка, икра ломтиками и бутылка крепчайшего хереса из национального погребка* (Ф. М. Достоевский, Скверный анекдот).

Эта комната привлекательна постольку, поскольку туда тянулся народ, а не потому, что она была красива.

2. *Я сочинил к нему прекрасное, привлекательное письмо, умоляя его передо мной извиниться; в случае же отказа довольно твердо намекал на дуэль* (Ф. М. Достоевский, Записки из подполья).

Привлекательно письмо вряд ли по чисто эстетическим причинам.

«[...] ästhetische Bedeutung — sofern es sie gibt — ein grundsätzlich anderes Phänomen ist als die diskursive Bedeutung, d.h. die Bedeutung von Wörtern» [Faltin 1985: iv]. С этим созвучно следующее положение: «Утверждения об эстетической оценке связаны не столько со структурными свойствами текстов, сколько с тем, как они «представляют» литературные тексты» (Assertions of value refer primarily not to the structural properties of texts, but to their performance of literary texts) [Ellis 1974: 92].

3. *Г-жа Хохлакова уже три недели как прихварывала: у ней отчего-то вспухла нога, и она хоть не лежала в постели, но всё равно, днем, в привлекательном, но пристойном дежабилье полулежала у себя в будуаре на кушетке* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы).

Привлекательный здесь — значит, «непристойный, вызывающий (привлекающий) косые взгляды».

5. Привлекательный и красивый

Красота не всегда упоминается при атрибуте *привлекательный* явно. В типовом случае если нечто красиво, то оно привлекательно, а обратное далеко не всегда верно: не все привлекательное красиво. Именно поэтому звучат парадоксально описания типа *красивая, но непривлекательная*.

Сказанное относится скорее к эстетической оценке внешности. Когда же мы читаем о непривлекательных поступках, то обычно сталкиваемся с отрицательной этической оценкой этих поступков, а не с указанием на их неприметность.

Например: [...] *где природа самая мягкая, самая человечная, какая, например, была у царя Алексея Михайловича, не могла удерживать от поступков, казущихся теперь нам очень непривлекательными* (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, Т.11).

На границе между 19 и 20 вв. *непривлекательный* становится эвфемизмом для *некрасивый*: *Это не секрет и не покрыто мраком неизвестности, что жена моя бежала от меня на другой день после свадьбы с любимым человеком по причине моей непривлекательной наружности...* (А. П. Чехов, Леший).

Ясно, что в этом месте *по причине моей уродливой наружности* читалось бы как неуместное или фальшивое самобичевание. А пишущий признает: «Да, не яркий красавец, но может быть, все-таки немножечко красив».

Другой пример: *«Хорошо, что он так непривлекателен, что Кити не влюбилась в него», — думала мать* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).

По-видимому, мать не находила его столь уж отталкивающим: скорее она думала, что таким оценивает его Кити. Возможно, что матери он казался красивым, но она знала, что ценит во внешности мужчины не всегда то же, что и дочь.

Возможно, проскальзывает здесь скрытый логический вывод из следующего тезиса великого писателя: *Любовь настоящая только та, предмет которой непривлекателен* (Л. Н. Толстой, Дневники 1895).

Напомню следующее известное наблюдение: «Природа привлекательности, по мнению многих, — в желанности» [Виноградов 1994]. Это подтверждается узусом, например: «*Сказать по правде, я никогда не считала себя чрезвычайно красивой, но я нравилась, и думаю, что в этом была моя сила*». Так определяет сама Екатерина характер женской привлекательности, данной ей от природы (К. Валишевский, Роман императрицы. Екатерина II).

Заключение

1. Для лингвиста такие дисциплины, как лингвистические эстетика, этика, психология и логика дают основания для гипотез о том, каковы механизмы, соотносящие между собой речь с ее буквальным и небуквальным пониманием.

2. Вряд ли можно говорить, что язык навязывает нам те или иные эстетические оценки (ср. иное мнение о «тирании слов», высказанное уже давно в лингвистической философии [Chase 1938]):

2.1. Как видно из сказанного, даже данные словаря могут противоречить друг другу (ср. *красивая жизнь* как «праздная жизнь» и *красивая смерть*).

2.2. Мы и сегодня понимаем тексты, в которых эпитет *привлекательный* употребляется «архаично» в значении этическом, а не эстетическом, в соответствии с внутренней формой; однако мы не опираемся в таких случаях на архаичные стандарты привлекательности как эстетического феномена.

3. Постепенно на повестку дня лингвистики выходит следующий вопрос:

Каковы пути и когнитивные механизмы развития общецивилизационных — надкультурных — представлений о прекрасном в духовном мире человека?

4. Ответы на эти вопросы в рамках лингвистики можно получить, главным образом, исследуя большой эмпирический материал.

Литература

- Виноградов 1994 — Виноградов В. В. Из истории слов. М., 1994.
Демьянков 2004 — Демьянков В.З. Значение и употребление лексем класса красота // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 601—609.

Демьянков 2005 — *Демьянков В. З.* Прототип и реализации концепта «привлекательность» в русском языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. С. 167—184.

Демьянков 2011 — *Демьянков В. З.* Заметки о красоте по-итальянски и по-русски: контрастивная лингвистическая эстетика // Вопросы филологии. М., 2011. № 1 (37). С. 60—63.

Соловьев 1988 — *Соловьев В. С.* Красота в природе // Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 351—389.

Chase 1938 — *Chase S.* The Tyranny of Words. New York, 1938.

Ellis 1974 — *Ellis J. M.* The theory of literary criticism: A logical analysis. Berkeley etc., 1974.

Faltin 1985 — *Faltin P.* Bedeutung ästhetischer Zeichen: Musik und Sprache. Aachen, 1985.

Gourmont 1899 — *Gourmont R. de.* Esthétique de la langue française: (La déformation. La métaphore. Le cliché. Le vers libre. Le vers populaire). Paris, 1899.

Jauss 1995 — *Jauss H. R.* Die problematische Moral des Ästhetischen // Neue Realitäten — Herausforderung der Philosophie: XVI. Deutscher Kongress für Philosophie, Berlin, 20.—24. September 1993: Vorträge und Kolloquien. Berlin, 1995. S. 37—54.

Pawlovski 1989 — *Pawlovski T.* Aesthetic values. Dordrecht etc., 1989.

Santayana 1896 — *Santayana G.* 1896 The Sense of Beauty: Being the Outlines of Aesthetic Theory. New York etc., 1896.

Simmel 1901 — *Simmel G.* Die ästhetische Bedeutung des Gesichts // Der Lotse. Hamburgische Wochenschrift für deutsche Kultur. Band 2, Heft 35. Hamburg, 1901. S. 280—284.